

Кладбище было старое, заброшенное. Оборудуя огневые позиции для пушек, мы его всё исковыряли. Старшина привез в термосах обед, мы набрали в котелки, расселись на могилах и стали есть. Я поставил котелок с кашей на надгробную плиту и перешагивая через нее, случайно опрокинул котелок, стал собирать кашу и вдруг прочитал на плите: «спи спокойно, дорогой сынок», – я вздрогнул: не ко мне ли обращаются из загробного мира?..

Командиром батареи был лейтенант Гоциридзе, замечательный человек, грамотный и строгий командир. Наши вопросы и его ставили в тупик. Стрелять – по кому? Самолетов летало много, но чьи они? А вдруг наши? Часто в небе поднималась кутерьма – все небо в цветных фонариках (наши снаряды все были трассирующие), самолеты разворачиваются, снижаются, а на крыльях – красные звезды! Кто дал команду? Да ведь все стреляли!..

Наконец, на 10-й день войны, привезли и раздали альбомы с силуэтами немецких и румынских самолетов. Нашу батарею перевели на Труханов остров, на восточную сторону Днепра. Оборудовали огневые позиции возле железнодорожного моста на Дарницу и потекли боевые будни.

Две из четырех пушек батареи были установлены по одну сторону от железнодорожной насыпи, а другие две – по другую. Они имели телефонную связь и действовали синхронно. Было отрадно смотреть, как шарахались в сторону немецкие самолеты от летящих на них трассирующих снарядов из наших пушек, и хоть каждый из них был весом всего 720 грамм, но вред мог причинить большой.

Как-то командир батареи приказал осмотреть вокруг местность, на случай высадки немецкого десанта. В двух-трех километрах к востоку, мы обнаружили плантации клубники села Вигурщина и работавших на них женщин.